

С. Майерс

Немецкие гренадеры

ББК 63.3(0)62
М45

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Мейер Курт
М45 Немецкие гренaдеры. Воспоминания генерала
СС. 1939—1945 / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. —
М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 335 с. — (За ли-
нией фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-521-78958-0

Генерал-майор ваффен СС Курт Мейер описывает сражения, в кото-
рых участвовал во время Второй мировой войны. Он командовал мото-
циклетной ротой, разведывательным батальоном, гренaдерским полком и
танковой дивизией СС «Гитлерюгенд». Боевые подразделения Брониро-
ванного Мейера, как его прозвали в войсках, были участниками жарких
боев в Европе: вторжения в Польшу в 1939-м и Францию в 1940 году,
оккупации Балкан и Греции, жестоких сражений на Восточном фронте и
кампании 1944 года в Нормандии, где дивизия была почти уничтожена.
Мейер попал в плен к союзной коалиции и предстал перед военным
судом.

ББК 63.3(0)62

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2007
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2007

ISBN 978-5-521-78958-0

ПОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ 1939 ГОДА

«Внимание! Танки, вперед!»

Мы все стояли и ждали этого момента. Наши глаза (в которых уже начинало рябить) были прикованы к стрелкам часов.

На заре взревели двигатели машин. Мы увеличивали скорость, шли все быстрее и быстрее, до самой границы. Я напряженно вслушивался в тишину утренних сумерек. В любой момент, расчищая нам путь на восток, должны были начать свой смертоносный полет первые снаряды нашей артиллерии. И вдруг шипение, завывания и пронзительный визг повисли над нами, создавая впечатление еще большей нашей собственной скорости, которую мы ощущали каждым своим нервом. Приближаясь к границе, мы бросили беглые взгляды на наши штурмовые группы, в то время как они стремительно двигались к пограничным ограждениям и разрушали препятствия фугасными зарядами. Пулеметный огонь прошелся по улице, а короткие ослепительные вспышки взрывающихся гранат осветили цели. Наши танки и бронемашинны на полной скорости ворвались в деревню Гола. Штурмовые отряды пехоты захватили мост через реку Просна — он уже был подготовлен к подрыву и попал в наши руки невредимым. В считанные минуты деревня была занята. Польские солдаты вылезали со своих позиций, ошарашенные и ошеломленные, и шли к нам с поднятыми руками. Они еще до конца не верили, что всего через десять минут после начала боевых действий война для них закончилась.

Я остановился перед телом польского офицера. Пуля пробила ему горло. Теплая кровь хлестала из раны. Да, это была война! Эта первая смерть, увиденная мною на этой

войне, со всей ясностью запечатлела в сознании ее мрачную реальность.

Но надо было двигаться дальше! Вывороченные с корнем деревья и догоравшие дома затрудняли продвижение. Мы едва различали дорогу. Поднимавшийся от земли туман смешивался с дымом от взрывов снарядов и бомб.

Я не мог оставаться со штабом полка. Миновав Голу, я двинулся вперед с разведывательным дозором. Конечно, в качестве командира роты СС истребителей танков у меня были совершенно другие обязанности. Атака танков противника не ожидалась, и к тому же моя рота была распределена по частям между отдельными батальонами нашего полка. Меня не устраивал такой характер боевых действий, поэтому я тайно последовал за наступающими танками. С 1934 года я наблюдал за развитием танков как оружия на учениях у Дёберица, а позднее у Вюнсдорфа и Цоссена. Теперь же я оказался на войне в качестве истребителя танков.

Клубящаяся пыль и туман все еще висели в воздухе, когда я увидел два наших танка и мотоциклетный взвод. Видимость была менее 300 метров. Вдруг зловещая тишина была прервана ударом снаряда польской противотанковой пушки. Первый танк завертелся и, весь в дыму, встал. Его катки еще вращались, когда второй танк тоже был подбит. Оба наших танка находились на расстоянии около 150 метров от противотанковой пушки, позиция которой была хорошо замаскирована.

Снаряд за снарядом пробивали броню наших танков, а пулеметные очереди поливали улицу, заставив нас искать укрытие. Мы слышали крики экипажа танка-разведчика и были вынуждены лишь наблюдать, не имея возможности прийти на помощь. Каждый раз, когда новый снаряд, пробив броню, проникал внутрь танка, крики наших смертельно раненных танкистов, остававшихся внутри, становились громче. Мы пытались помочь своим товарищам, которые сумели покинуть подбитые танки и выйти из-под обстрела, но это было невозможно. Пулеметы противника били по улице. Их огонь переместился вслед за танкистами, которым удалось выбраться из своих разбитых и горящих машин. Крики тех, кто остался в подбитых танках, становились слабее. Я лежал за кучей гравия. Как замороженный смотрел на кровь, сочившуюся из пробоин в броне первого танка. Я был будто парализован, не видел тех польских солдат, которые стреляли, но мои товарищи уже лежали мертвые, прямо передо мной.

Из тумана галопом выскочила польская кавалерия. Она мчалась прямо на нас, и ее не останавливал огонь моего автомата МР.38. Только когда огонь мотоциклетного взвода скошил нескольких лошадей и всадников, яростный кавалерийский отряд ускакал обратно в туман. Наша артиллерия обрабатывала высоту перед нами, в то время как гренадерский танковый батальон штурмовал позиции противника. Молодые гренадеры двигались так, будто были на учениях. Их невозможно было остановить ни пулеметным, ни артиллерийским огнем. Бесчисленное, как казалось, множество солдат шли при поддержке танков в наступление на противника.

Я смотрел, пораженный, как атака проходила прямо передо мной. Танки стремительно рвались вперед. По мере того как атака наращивалась, поляки сметались с занимаемых позиций. Наступление продолжалось, почти не встречая сопротивления; его не могли остановить ни противник, ни естественные преграды. Каждый из наступавших немецких солдат был убежден в справедливости этой войны и, не колеблясь, отдавал свою жизнь за права своего народа. Для этих молодых воинов война с Польшей была не агрессией, а устранением несправедливости. Они хотели ликвидировать позорное наследие Версаля — вернуть потерянные в 1919 году территории и пресечь притеснения немцев, ставших разделенным границами народом. Свою силу немецкие солдаты черпали из своих устремлений.

Эти молодые люди были элитой нации. Их отобрали из тысяч добровольцев, и они прошли интенсивную подготовку в течение четырех лет. Полк (с августа 1940 года бригада, с июня 1941 года дивизия) СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер»» набирали из солдат, которым к началу войны исполнилось девятнадцать лет; военнотружущим унтер-офицерского состава было около двадцати пяти лет. Очевидно, что эти молодые люди не оказали никакого влияния на политические события 1933 года. В 1933 году они были еще школьниками, стремившимися к каким-то идеалам и желавшими посвятить себя служению этим идеалам. Как же их отблагодарили, какую дурную славу о себе им пришлось вытерпеть, и как с ними обращаются даже теперь? Но 1 сентября 1939 года эти солдаты не могли знать, что через несколько лет станут козлами отпущения для злобных политиков. Они были честными воинами, выполняющими свой долг, как подобает прусскому солдату.

Примерно в 10.00 городок Болеславец сдался после яростного штурма и уличных боев. Огонь артиллерии противника градом обрушился на этот населенный пункт, вызвав жертвы среди населения. К наступлению ночи мы уже были вблизи Верушува и готовили атаку на следующее утро. Моторизованный полк СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» был придан 17-й пехотной дивизии и должен был прикрывать ее правый фланг от возможных атак польской кавалерийской бригады.

Надвигавшаяся темнота скрывала разрушения, произведенные днем. Ужасная картина поля боя была видна только вблизи. На горизонте поднималось зарево от горящих деревень, над оскверненной землей стелился густой дым. Мы молча сидели за полуразрушенной стеной, пытаясь осмыслить первый день боев, и слушали отрывки из исторической речи Гитлера. «Я решил разрешить вопрос с Данцигом и польским коридором и найти способ убедиться в том, что изменение в отношениях между Германией и Польшей делает мирное сосуществование между нами возможным». Слова фюрера еще долго эхом отдавались у нас в ушах.

Наш полк снова вступил в бой за рекой Вартой в составе 17-й пехотной дивизии и продвинулся в направлении Пабьянице близ Лодзи. 7 сентября, примерно в 10.00 мы достигли окраин Пабьянице и получили приказ занять оборону к югу вдоль холмов, протянувшихся через Рзгов-Воля, Ракова и Лодзь. Значительные силы противника с противотанковыми средствами занимали Пабьянице. Атака 1-го батальона 23-го танкового полка только что была отбита державшими оборону поляками. На поле боя остались наши поврежденные и разбитые танки. Они были выведены из строя польскими противотанковыми ружьями.

Моторизованный полк «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» продолжил выполнение боевой задачи и сразу же приступил к штурму. 1-я и 2-я роты ворвались в город, за ними последовали другие подразделения. Эта яростная атака вынудила поляков отступить в центр города, однако затем против выдвинувшихся флангов полка последовали мощные контратаки противника.

2-й батальон 46-го артиллерийского полка всеми силами удерживал свои огневые позиции, отбивая настойчивые контратаки польской пехоты. Польские части шли вперед напролом, не считаясь с потерями. Командный пункт полка вдруг стал участком главного удара. Всем писарям и водителям так-

же пришлось сражаться. Поляки вышли к командному пункту через картофельное поле, и, поскольку ботва обеспечивала прекрасную маскировку и скрывала наступавших, мы не смогли их разглядеть, пока они не оказались на расстоянии броска гранаты. Остановить противника, подходившего все ближе, казалось, было невозможно. Тогда я вскочил на ноги и из положения стоя стал стрелять по картофельному полю. Только так можно было попасть в подползавших поляков. Справа от меня гренадер из 13-й роты вел по ним огонь так, будто находился на стрельбище, очередь за очередью. Наша «стрельба по мишеням» продолжалась недолго. Вдруг я обнаружил себя опять на дне окопа, отброшенным туда пулей, задевшей мое плечо. Мой сосед был убит, получив пулевое ранение в шею. Никогда больше я не буду пытаться остановить атаку из положения стоя. Атаки продолжались с упорством, проявленным с обеих сторон, и только ближе к вечеру наступил момент, когда поляки были сломлены. Они сотнями сдавались в плен и отправились в долгий путь, уготованный военнопленным. Тем временем XVI танковый корпус подступил к Варшаве и завязал бой с польскими частями и соединениями, оборонявшими город, а также с остатками польских войск, прорывавшихся в восточном направлении. Командир танкового корпуса генерал Геппнер приветствовал передовые подразделения нашего полка в Надаржине. Мы придавались 4-й танковой дивизии этого корпуса.

«Лейбштандарт «Адольф Гитлер» получил приказ удерживать рубеж Капуты—Олтаржев—Доманев и не давать польским частям, выходящим из окружения, прорываться с запада к Варшаве.

Находясь на марше, 1-й батальон моторизованного полка СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» получил приказ изменить направление и двигаться на север к Олтаржеву. Моторизованная пехота следовала за отрядами мотоциклистов, танками и бронемашинами. Колонны наших войск скрылись в ночи.

Генерал Геппнер не сомневался в исходе войны в Польше, но предвидел тяжелые бои для своего XVI танкового корпуса. Он полагал, что польские войска, все еще сражавшиеся в окружении к западу от Варшавы, приложат все силы к тому, чтобы прорваться к столице через наши позиции. Через несколько километров стало очевидно, что наступающая ночь принесет с собой тяжелый бой. Нам приходилось пробиваться через пригороды Варшавы. Из Олтаржева доно-

сился громкий шум боя. 1-й батальон полка СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» достиг основного рубежа развертывания и вел бой со значительными силами противника. На дороге отступающие польские колонны смыкались друг с другом и образовался полный затор. В течение ночи они были полностью уничтожены. Сотни убитых лежали среди обломков. Вся дорога была завалена разбитыми артиллерийскими орудиями, другим вооружением, брошенными боеприпасами. Беспощадное сражение продолжалось до утра, и обе стороны ожидали, измотанные, когда наступит рассвет, чтобы разобраться в ситуации.

Когда рассвело, стал виден весь ужас произошедшего. На дороге и близ нее было убито не только множество польских солдат. Нашим огнем были расстреляны и смешавшиеся с войсками колонны беженцев. Мертвые и раненые лошади повисли в своей упряжи у разбитых повозок. Плачущие дети хватили своих мертвых матерей или матери своих мертвых детей. Раненые выползали из обломков и зывали о помощи. Полевой перевязочный пункт скоро переполнился. Поляки и немцы вместе помогали пострадавшим. Не было слышно ни единого выстрела. Война была приостановлена. Беженцам не повезло — они отступали из Познани и присоединились к войсковым колоннам, что, как им казалось, обеспечивало им защиту, а попали в мясорубку.

Эта ночь впервые по-настоящему открыла нам истинное лицо войны. Теперь уже больше не существовало никакой разницы между солдатом и гражданским лицом. Современное оружие уничтожало и тех и других. Я не видел ни одного смеявшегося немецкого солдата на «дороге смерти» у Олтаржева. Ужас коснулся их всех. Сентябрьское солнце ярко освещало залитую кровью дорогу. Более чем 1000 польских пленных было приказано убрать завалы. Шестьсот человек были направлены к позициям противника с предложением капитулировать.

Одна-единственная противотанковая пушка уничтожила бронепоезд противника; взрывавшиеся боеприпасы со страшным грохотом взлетали на воздух и полностью уничтожили поезд. В следующие два дня мощные атаки противника обрушились на позиции, удерживаемые 2-м батальоном 33-го пехотного полка, 2-м батальоном 35-го танкового полка и нашим полком. Но польские атаки были бесполезны.

Напрасно я просил командира позволить мне расширить круг моих обязанностей и принять более активное участие

в сражении. Я должен был довольствоваться командованием ротой, которая разбросана по всему нашему полку по взводу. Я напоминал командиру при каждой возможности, что я танкист и мотоциклист, и чувствовал себя абсолютно ненужным на занимаемом в данный момент месте. Но все бесполезно; на данный момент я оставался истребителем танков.

В течение ночи с 12 на 13 сентября сильная часть противника прорвалась через позиции 2-го батальона нашего полка; тотальный прорыв казался неизбежным. Рано утром мы получили донесение о том, что 6-я рота «Лейбштандарта» смята, а командир роты убит. Он всегда был мне близок; мы служили в одном полку с 1929 года. Однако мы посчитали невероятным то, что сообщалось в донесении о неизбежном прорыве. Мы просто не верили, что противник мог прорваться через наши оборонительные позиции.

Получив приказ выяснить, верно ли то, что говорится в сообщении, я прыгнул на сиденье водителя мотоцикла с коляской. Вместе со мной отправился оберштурмфюрер СС Пфайфер, и мы поехали в направлении Блоне (Пфайфер погиб несколько лет спустя, командуя танковой ротой). Отъехав, мы быстро помчались по «дороге смерти», чтобы как можно скорее избавиться от надоедливых мух. К тому же трупы лошадей жутко воняли.

В нескольких сотнях метров от Свечицы я увидел двух польских солдат и солдата 6-й роты «Лейбштандарта», находившихся за небольшим мостом. Поведение всех трех солдат показалось мне таким странным, что я резко затормозил, спрыгнул с мотоцикла и зашагал к этой группе стоявших в окопе. И только когда уже подошел к краю окопа, я понял причину странного поведения немецкого солдата. Он был взят в плен этими польскими солдатами и смотрел на меня в изумлении, когда я один шел к ним. Проклятие, мне опять чертовски повезло! Только автомат MP.38 Пфайфера не дал полякам отправить меня на тот свет. Действительно, наша 6-я рота была атакована и разбита; командир роты лежал убитый в окопе в нескольких сотнях метров отсюда. Пфайфер и я проследовали дальше к Свечице и вскоре нашли нашего павшего товарища. Его грудь была пробита пулями. Зеппель Ланге погиб как настоящий солдат; мы его никогда не забудем.

Потеснившие нас части противника были уничтожены в течение дня; линия фронта была восстановлена.

Моторизованный полк СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» и 4-я танковая дивизия XVI танкового корпуса Гепнера были задействованы в сражении на Бзуре с целью не дать прорывавшимся из окружения разрозненным частям и соединениям польской армии переправиться через реку. Поляки атаковали с огромным упорством и вновь доказали, что умеют умирать. Было бы несправедливым отказать им в мужестве. Сражение на Бзуре было отчаянным и ожесточенным. Кровь лучших из поляков смешалась с водами реки. Потери поляков были ужасны. Все их попытки прорваться были отражены нашим артиллерийским огнем с подготовленных позиций.

Сопrotивление поляков здесь было окончательно сломлено 18 сентября, после чего нам было приказано атаковать крепость в Модлине. Тяжелые бои с польскими войсками, пытавшимися прорваться к Варшаве, завязались в лесистом районе к югу от Модлина. 1-й батальон «Лейбштандарта» был атакован и окружен превосходящими силами противника.

19 сентября в 7.00 генерал-лейтенант Рейнхардт приказал атаковать, чтобы выручить наш 1-й батальон, а также прорваться к реке Висле. Атаку поддержал 2-й батальон 35-го танкового полка.

Вязкие песчаные дороги очень затрудняли движение, и колесный транспорт мог двигаться только очень медленно. Опять завязался жестокий бой, и, хотя положение поляков было безнадежным, они и не думали сдаваться, сражались до последнего патрона.

Во время атаки мы обнаружили останки оберштурмфюрера СС Брухмана и одного унтерфюрера СС 1-го батальона «Лейбштандарта». Оба они были ранеными взяты в плен и сильно изуродованы. Брухман был командиром взвода в моей роте и женился всего за две недели до начала войны.

Сражение за старую крепость Модлин (бывший русский Новогеоргиевск, мощная крепость, построенная русскими фортификаторами после 1832 года и перестроенная в конце XIX — начале XX века к началу Первой мировой войны. — *Ред.*) началось артиллерийской подготовкой и атаками пикирующих бомбардировщиков U-87 «Штука». Мы впервые столкнулись с разрушительным воздействием наших пикирующих бомбардировщиков и не могли понять, как польский гарнизон этой старой русской крепости мог столь долго выдерживать такой шквал огня. Вопреки нашим ожиданиям, польские части в Модлине оказывали упорное сопротивление